

Сяо гэра обижают

Они так увлеклись разговором, что совсем потеряли счёт времени. Лю Ху поднялся и встал так, что почти полностью заслони́л солнечный свет, из-за чего разглядеть рисунки стало трудно.

Тянь Лэ наклонился в сторону, не желая ни на мгновение отрывать взгляд от чертежей:

— Брат Ху-цзы, ты чего? Я тут как раз обсуждаю важное дело с женой твоей!

Лю Ху не обратил на него внимания и упрямо посмотрел на свою жену:

— Жена, тебе пора идти в комнату отдыхать.

Сун Тинчжу поднял на него взгляд, и на его губах появилась улыбка:

— Муж, можно мне ещё немного времени?

Услышав это, Лю Ху на мгновение застыл.

Тянь Лэ тоже покраснел, опустил голову и стал теревить пальцами страницы книги, сердце его бешено заколотилось.

В деревне он никогда не слышал такого обращения. Его мать называла отца «хозяйном дома», а в гневе — просто по имени. За всё время он лишь изредка слышал подобное в городе, но никогда — таким мягким, таким ласковым, почти с кокетливой интонацией. У него, юноши, даже уши запылали от этих слов.

Он украдкой взглянул на Ху-цзы-гэ, увидел, как тот стоит, ошеломлённо глядя на свою жену, и невольно прикрыл рот, сдерживая смех.

Заметив, как у Лэ гэра подрагивают плечи, Сун Тинчжу почувствовал, как у него загорелись уши. Он поспешно отвёл взгляд и сказал мужчине:

— Всего полчаса. Мне нужно ещё кое-что обсудить с Лэ гэром.

— Через полчаса я отведу тебя отдыхать.

Сун Тинчжу кивнул, и Лю Ху вернулся на своё место. Он посмотрел на недоплетённую циновку, но настроение пропало. Коснувшись рукой груди, он с растерянным видом задумался.

Когда жена только что назвала его «мужем», сердце у него билось так быстро, словно барабан. Он никогда раньше не испытывал ничего подобного. Неужели он заболел?

Лю Ху нахмурился и прислушался к себе.

Похоже, всё уже прошло. Он не стал придавать этому значения, взялся за циновку и продолжил работу.

Спустя полчаса Тянь Лэ, полный воодушевления, вышел со двора семьи Лю, сжимая в руках чертежи. А Сун Тинчжу, под пристальным взглядом мужа, послушно лёг в постель отдыхать.

На закате, когда солнце уже клонилось к горизонту, Жуань Сюлянь с домочадцами вернулась во двор.

Лю Мэн принял поводья у отца и крикнул:

— Мама, я отвезу повозку обратно к помещику Чжану!

— Иди.

— Папа, а где сахарная фигурка для Ся гэра?!

Малыш уснул по дороге обратно, накатавшись по городу. Проснулся он только когда повозка въехала в деревню. Всё ещё немного сонный, он вдруг вспомнил, что купленная тётей сахарная фигурка пропала!

Тан Чуньсин со стороны сказала:

— Она у твоей матери. Разве она могла её потерять?

Ся гэр радостно заулыбался:

— Дайте её Сяо гэру. Дядя не видел фонарей и не ел ничего вкусного. Ся гэр хочет угостить дядю, чтобы ему стало сладко!

Тан Чуньсин почувствовала лёгкую досаду, услышав, как ребёнок всё время говорит о своём дяде:

— Подумаешь, сахарная фигурка. Твоему дяде она ни к чему.

Ся гэр надул губки:

— Нет, Сяо гэр утром пообещал дяде~

Он нетерпеливо задвигал ножками:

— Папа, скорее поставь меня на землю!

— Хорошо, сейчас.

Едва коснувшись земли, малыш на своих коротких ножках побежал к западной комнате.

Лю Сяомэй поспешила за ним.

Сегодня она немного заработала, продав платочки и мешочки, и купила подарки не только родителям, но и жене своего братца.

В западной комнате Сун Тинчжу уже слышал шум во дворе. Едва он успел одеться, как Сяо гэр постучал в дверь.

— Дядя, Сяо гэр принёс тебе сахарную фигурку! А тётя тоже принесла подарок!

— Зять, я принесла тебе ленту для волос. Другие были слишком дорогими, мне пока не по карману. Когда я стану лучше вышивать и заработаю больше, куплю тебе с золотой вышивкой — с узором облаков. Она такая красивая, шёлковая.

Двое малышей окружили кровать и наперебой заговорили. Сун Тинчжу совсем не чувствовал это шумом — напротив, на душе становилось тепло. Он с улыбкой расспрашивал их, красивы ли

были фонари, много ли было людей, впечатляли ли представления.

— Фонари были такие красивые! Людей было столько, вот столько~ — малыш широко развёл руки, преувеличивая. — Сяо гэра чуть не раздавили~

— Правда? Дай-ка дяде посмотреть, не помяли ли тебе животик, — Сун Тинчжу протянул руку, погладил его кругленький живот и с улыбкой сказал: — Всё в порядке, не помяли.

Сяо гэр любил Сун Тинчжу и тянулся к нему. Когда тот коснулся его, мальчик тут же прижался к нему всем телом.

— Потому что папа всё время держал Ся гэра на руках~

Они втроем ещё немного поболтали и только потом отправились в главную комнату ужинать.

В тот день у семьи Лю был настоящий праздник: яичница, жареная капуста с беконом и большие булочки, купленные в городе. Большинство булочек были с овощной начинкой, мясных оказалось всего пять. Каждому мужчине досталось по одной мясной булочке, а оставшиеся две поделили между четырьмя женщинами.

Жуань Сюлянь разломала тонкокожую, щедро начинённую мясом булочку пополам и отдала Сун Тинчжу чуть больший кусок.

— Чжу гэр, ты в последнее время выглядишь гораздо лучше. Как-нибудь пусть Ху-цзы приведёт врача домой, пусть тебя осмотрит. Если самочувствие позволит, почаще выходи с Сяомэй на улицу. Всё время сидеть дома — даже лёгкую болезнь можно усугубить.

Лю Дашэн, обычно немногословный, тоже вставил:

— Верно. Когда врач сказал, что мою ногу уже не вылечить, я махнул рукой — ел, пил, работал как обычно. И кто бы мог подумать: настроение улучшилось — и тело следом. Потом даже ходить смог.

Жуань Сюлянь добавила:

— Врач тогда сказал, что это настоящее чудо, что у нашей семьи хорошая судьба.

Потом она обратилась к зятю:

— Чжу гэр, не переживай ни о чём, просто спокойно лечись. О деньгах не думай — мы с твоим свёкром ещё можем работать. Когда потеплеет, Ху-цзы найдёт постоянное дело. В нашей семье все трудолюбивые — жизнь обязательно станет лучше.

Её слова глубоко тронули Сун Тинчжу, у него защипало в глазах. Сдерживая слёзы, он тихо ответил:

— Я понимаю, мама.

После Нового года праздничные дни окончательно закончились. К середине весны крестьяне стали всё более заняты. В семье Лю тоже начали рано ложиться и вставать, выносить навоз и готовиться к весенним работам.

Однажды ранним утром вся семья ещё до рассвета разошлась по своим делам. Лю Сяомэй осталась дома готовить, а самому младшему, Сяо гэру, поручили отнести маленькую

бамбуковую корзинку, сплетённую Лю Дашэном, к тётушке Цай на востоке деревни — обменять на тофу.

Зайдя во двор, мальчик весело прищурил глазки полумесяцами и поздоровался:

— Бабушка Цай!

— О, Сяо гэр пришёл.

Тётушка Цай больше всего любила детей. В деревне не было ребёнка, которого бы она не нянчила, но больше всех она обожала именно Сяо гэра из семьи Лю. Несмотря на малый возраст, он был самым разумным и часто помогал взрослым по хозяйству, за что его все любили.

Немного понянчив его, она подняла корзинку, и мальчик детским голосом сказал:

— Бабушка Цай, я хочу обменять на два куска тофу.

— Хорошо, сейчас заверну тебе.

Она не только положила два больших куска, но и добавила ещё половинку сверху. Наклонившись, протянула корзинку и заботливо спросила:

— Донесёшь? Может, проводить тебя?

Сяо гэр покачал головой:

— Спасибо, бабушка Цай, я донесу.

Увидев, какой он послушный, она погладила его по голове:

— Тогда иди аккуратно, смотри не упади.

— Угу, до свидания, бабушка~

Тётушка Цай проводила его взглядом и вернулась во двор.

Дом семьи Лю находился недалеко от входа в деревню, но чтобы дойти до тётушки Цай, нужно было пройти мимо дома Лю Эршэна. Сяо гэр боялся старухи Ду и второго деда, поэтому всегда обходил стороной. Так он сделал и сегодня, но от беды это его не спасло.

Во дворе дома Лю Лао-эра играли двое детей старшего сына Лю Эршэна. Старший, Лю Цзе, был пятилетним сорванцом. Привыкший дома командовать, да ещё и под влиянием старой госпожи Лю, он тоже ненавидел семью Лю Дашэна.

Увидев Сяо гэра у ворот, он бросил свою игрушку, подбежал и толкнул его на землю, а затем растоптал тофу в корзинке в липкую кашу.

— Кто тебе разрешал проходить мимо моего дома? Невезучий!

Сяо гэр на мгновение остолбенел. Осознав, что произошло, он распластался на земле и громко разрыдался.

В это время во дворе семьи Лю Сун Тинчжу сидел у стены, греясь на солнце. Он уже начал

беспокоиться, что Сяо гэр долго не возвращается, и собирался попросить Сяомэй сходить за ним, как вдруг во двор, запыхавшись, вбежала полная женщина и закричала:

— Линчжи! Твоего Сяо гэра обижают ребёнок из дома Лю Лао-эра! Он сейчас лежит на земле и плачет!

<http://bllate.org/book/17218/1616079>